

Академия Теней

Невеста для Верховного Инквизитора

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская Академия Теней. Невеста для Верховного Инквизитора

<https://litres.ru/74322789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня должны были повесить.

Сирота из приюта, обвинённая в убийстве, я уже стояла на эшафоте, когда тени ожили и вырвали меня у смерти. Верховный Инквизитор, которого боится всё королевство, забирает меня в Академию Теней. Здесь не учат магии. Здесь учат выживать.

Теперь я — некромантка, каких не рождалось сто лет. Мой дар опасен. Мои сны пахнут чужой кровью. А на груди горит метка истинной пары самого Дэмиана Вэйда — моего палача, мужа и погибели.

Но это не самое страшное.

Кто-то подбрасывает мне письма с одним приказом: убей его. Братья Эшфорд играют со мной, как с пешкой. А из-под Академии поднимается тьма, которая помнит моё настоящее имя.

Чтобы выжить, мне нужно вспомнить, кем я была. Но правда может стоять жизни тем, кого я успела полюбить.

Тропы: от ненависти до любви, академия магии, истинная пара, тайна прошлого, любовный треугольник.

Содержание

Глава 1. Ведьма из канавы	4
Глава 2. Карета и разговор	19
Глава 3. Академия Теней	28
Глава 4. Барак и ночной гость	35
Глава 5. Метка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Академия Теней.

Невеста для Верховного Инквизитора

Глава 1. Ведьма из канавы

Меня звали Амелией, потому что монахиня, нашедшая меня в корзине у ворот, в тот день читала житие святой Амелии Римской. Она говорила, что у меня глаза «нехорошие» — слишком зелёные, слишком яркие для младенца, брошенного в ноябрьскую грязь.

Сестра Марта, та самая, что принесла меня с улицы, крестила меня трижды. Не из благочестия — из страха. Она верила, что святая вода смоет с меня «тёмную печать». Не смыла. Зато оставила на лбу бледный шрам от слишком усердного прикосновения к каменной чаше.

Другие дети это замечали.

— Ведьма! — кричали они и кидали в меня гнилыми яблоками, когда я шла через двор.

Я не плакала. Плакать было некогда. Нужно было выживать.

Приют Святой Агнессы был не местом спасения, а чистилищем для тех, кому не повезло родиться без имени. Здесь кормили раз в день — жидкой овсянкой, в которой плавали жучки. Лечили молитвами и крапивой. За провинности запирали в подвале, где, по слухам, жили крысы размером с кошку.

Я не боялась подвала. Я не боялась темноты. Она казалась мне... уютной. Единственное место, где никто не плевал мне вслед. Единственное место, где тени не прятались, а подходили ближе, как любопытные звери.

Первый раз это случилось, когда мне было шесть.

Меня заперли в подвале на целые сутки за то, что я разбила кувшин — хотя на самом деле его разбил сын кухарки, но наказывали всегда меня. В подвале было холодно. Пахло плесенью и мышами. Я сидела в углу, обхватив колени, и смотрела, как дрожит пламя единственной свечи.

А потом свеча погасла.

Я должна была испугаться. Вместо этого я услышала шёпот.

«Не бойся, девочка. Мы здесь. Мы всегда были здесь».

Я подняла голову. Тени в углах шевелились. Они не были похожи на то, что показывают в детских страшилках. Они были мягкими, как дым, и тёплыми, как дыхание.

— Вы кто? — прошептала я.

«Мы — твои. Ты нас зовёшь. Ты нас кормишь. Ты нас держишь».

Я не поняла тогда этих слов. Но почувствовала: впервые в жизни я не одна.

С тех пор подвал стал моим убежищем. А тени — моими единственными друзьями.

К десяти годам я научилась их слушать. Не слышать — именно слушать, как слушают старших. Они рассказывали мне, где лежит забытая краюха хлеба. Где спрятаны монеты, оброненные кем-то во дворе. Кто из монахинь болен, а кто просто притворяется, чтобы не работать.

Я не спрашивала, откуда они это знают. Мне было всё равно.

Мне было достаточно того, что я больше не была беспомощной.

Первое по-настоящему страшное проявление дара случилось, когда мне было восемь.

Старшая девочка по имени Марта — дочь кухарки, та самая, что сломала тогда кувшин, — застала меня в подвале. Она пришла с двумя подругами, такими же злыми и такими же скучающими. Они скучали по развлечениям, а развлечений в приюте было немного.

— Смотрите, ведьма опять в своей дыре, — сказала Марта, освещая меня фонарём. — Молишься, что ли?

Я молчала. Молчание их злило.

— Отвечай! — Она ударила меня ногой по колену.

Я упала на каменный пол. Боль была острой, но недолгой — тени зашевелились, и я почувствовала, как они обвиваются вокруг меня, словно защищая.

— Чего уставилась? — Марта наклонилась ближе. — Думаешь, если у тебя глаза, как у жабы, то я испугаюсь?

Её подруги засмеялись. У одной из них в руках была верёвка.

— Держи её, — приказала Марта.

Меня схватили. Я сопротивлялась, но их было трое, а я была худой и слабой. Меня связали и засунули головой в бочку с ледяной водой.

Вода была чёрной. Я помню, как она сомкнулась над моим лицом, как холод проник в нос, в уши, в лёгкие. Я не могла дышать. Я не могла кричать. Я могла только биться, но верёвки держали крепко.

А потом... что-то изменилось.

Я слышала голос. Не снаружи — внутри.

«Открой глаза, Амелия. Смотри».

Я открыла. Вода была тёмной, но я видела. Тени в воде были другими — они были яростными. Они струились вокруг меня, как чёрные змеи, и их становилось всё больше.

Они не просили. Они требовали.

«Дай нам. Мы заберём твой страх. Мы заберём их дыхание».

Я не знала, что ответить. Я просто захотела жить.

И тогда вода расступилась.

Не медленно, как при отливе. Резко, как будто кто-то разорвал её на части. Бочка треснула. Меня выбросило на пол, мокрую, кашляющую, полуживую.

Марта и её подруги стояли у стены. Их лица были белыми, как известь.

— Ты... ты... — Марта не могла говорить.

Я поднялась на ноги. С волос стекала вода. По полу расползались тени, хотя фонарь горел ярко. Они обвивали ноги девочек, как щупальца.

— Уходите, — сказала я. Голос был не мой. Ниже, глубже.
— Уходите, и я забуду.

Они побежали. Марта споткнулась на лестнице и разбила

губу. Но я не смотрела.

Я стояла в подвале, окружённая теньями, и понимала: то, что я считала своим убежищем, на самом деле было клеткой.

А тени — не друзья. Они — сторожа.

Через неделю Марту нашли в том же подвале.

Она сидела в углу, обхватив колени, и раскачивалась. На её губах была чёрная пена, а глаза стали пустыми, как у куклы.

— Они пришли из тени... — шептала она. — Они сказали, что я плохая... они никогда не уйдут...

Её забрали. Сначала в лазарет, потом — в городскую больницу. Через месяц она умерла. Врачи сказали — от лихорадки. Но я знала правду.

Тени забрали её рассудок. Медленно. По кусочку. Как плату за то, что она сделала со мной.

Меня не обвинили. Но с тех пор со мной никто не разговаривал. Даже сестра Марта, которая меня нашла, отводила глаза.

Я стала тенью в приюте. Невидимой. Опасной. Одинокой.

Я сбежала в четырнадцать. Не из-за жестокости — с ней я справлялась. Из-за страха. Страх перед тем, что тени могут сделать с теми, кто причинит мне боль. Я не хотела больше просыпаться с чёрной пеной на губах соседок.

Нижний квартал встретил меня запахом рыбы, грязной воды и дешёвого табака. Здесь никто не спрашивал, откуда ты. Здесь ценили только три вещи: силу, хитрость и умение молчать.

У меня было всё три.

Я научилась выживать. Мыла полы в тавернах. Таскала корзины на рынке. Подделывала письма для неграмотных торговков. Носила записки между тёмными личностями, не задавая вопросов.

Иногда я использовала дар. Не чтобы вредить. Чтобы видеть.

Тени рассказывали мне, кто врёт. Кто боится. Кто оставил кошелёк под половицей. Кто замышляет недоброе за моей спиной.

Это было полезно. Это было безопасно.

До того дня, пока я не встретила лорда Блэквуда.

Таверна «Свинья и вертел» была не худшим местом в Нижнем квартале. Здесь не резали посетителей слишком часто, а эль разбавляли водой всего наполовину. Я работала здесь по вечерам: разносила кружки, собирала грязную посуду, иногда пела — за дополнительные медяки и тарелку похлёбки.

В тот вечер я пела. Старую балладу о море и девушке, которая ждала жениха. Голос у меня был не самый красивый, но зато я умела петь так, что пьяные мужики затихали и вспоминали, что у них тоже когда-то были матери.

Лорд Блэквуд вошёл, когда я заканчивала.

Он был из тех, кого в Вэлморе называли «позолоченными» — лорды с деньгами, но без совести. Одет в бархат, пах вином и духами, на пальцах — перстни с кровавыми камнями. Его сопровождали двое охранников, но их он оставил у двери.

— Девочка! — крикнул он, плюхнувшись за стол. — Ви-

на! Лучшего!

Я отнесла ему кувшин. Он схватил меня за запястье.

— Какие глаза, — произнёс он, вглядываясь в моё лицо.
— Такие бывают только у покойников.

Я вырвала руку.

— Вам вино принести, милорд, или ещё что-то?

Он рассмеялся.

— Дерзкая. Люблю таких.

Я отошла. Тени зашевелились под потолком, но я приказала им молчать. Нельзя привлекать внимание. Нельзя.

Но лорд Блэквуд не отстал.

Через час он нашёл меня у чёрного хода. Я выносила золу. Он стоял, прислонившись к стене, и курил длинную трубку. Дым вишнёвый, сладкий.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Никак.

— А я слышал, тебя называют Ведьмой из канавы.

Я замерла.

— Кто вам сказал?

— Люди говорят. — Он шагнул ближе. — Говорят, ты видишь то, что скрыто. Что у тебя глаза меняют цвет, когда ты злишься.

— Это бред.

— Да ну? — Он усмехнулся. — Тогда почему твои глаза сейчас зелёные, как яд?

Я молчала. Он был слишком близко. Его дыхание пахло вином. Его рука легла мне на плечо.

— Не груби, девочка. Я лорд. А ты — грязь. Знаешь, что бывает с грязью, когда она попадает на сапог?

— Её вытирают.

— Её счищают. Иногда — вместе с кожей.

Он затащил меня в переулок.

Дальше я помню урывками. Его руки. Его смех. Его дыхание. Моя ярость — глухая, тёмная, поднимающаяся из живота, как рвота.

А потом — зелёная вспышка.

Лорд лежал на земле. Глаза открыты, полные ужаса. В груди — нож. Мой нож. Тот самый, которым я чистила рыбу на кухне.

Я не помнила, как вытащила его. Не помнила, как ударила. Но помнила, как тени шептали, обвиняя его тело:

«Он заслужил. Ты права. Убей ещё».

Я побежала. Но поздно.

Стража нашла меня через день. Предал трактирщик — за десять серебряных монет он назвал моё имя.

Меня судили за три дня.

Приговор был предсказуем: повешение.

Толпа собралась с утра. Люди принесли с собой корзины с едой, как на ярмарку. Они хотели зрелища.

Петля была старая. Дерево потемнело от дождей и чужой крови. Верёвка пахла солью и страхом.

Я стояла на эшафоте босиком. Платье — грязное, рваное — прилипло к телу. Ветер задирает подол, и я не могла его поправить: руки были связаны за спиной.

— Ты обвиняешься в убийстве лорда Блэквуда, — прогремел судья. — Что скажешь перед смертью, отродье?

Я посмотрела на него. Старик в алом парике, потный от важности. Он вцепился в свиток, будто тот мог защитить его от меня.

— Я скажу, — мой голос был хриплым, но громким, — что вы идиоты, если думаете, что я умру так просто.

Толпа ахнула. Судья побагровел.

— Повесить! — заорал он.

Палач дёрнул рычаг.

Люк распахнулся.

Я полетела вниз.

Но вместо хруста шейных позвонков и темноты я почувствовала, как воздух сгустился. Тени, словно живые змеи, обвилились вокруг моего тела, остановив падение в сантиметре от земли.

Верёвка лопнула с тихим шелестом.

Я приземлилась на ноги — легко, как кошка.

— Какого чёрта... — выдохнул палач.

Передо мной, прямо из воздуха, соткалась фигура в чёрном мундире с серебряными пуговицами. Высокий, широкоплечий. Глаза — как ртуть, с вертикальным зрачком. От него пахло пеплом и властью.

Он медленно оглядел меня с ног до головы. Затем перевёл взгляд на толпу.

— Эта женщина поступает в Академию Теней, — произнёс он ледяным тоном. — Приказ Верховного Инквизитора.

Он снова посмотрел на меня. В его взгляде читалось что-то пугающее. Что-то вроде голода.

— Собирайся, маленькая некромантка. Теперь ты принадлежишь мне.

Глава 2. Карета и разговор

Карета была чёрной, как гроб.

Я поняла это сразу, как только меня подвели к ней после казни. Никто не спрашивал моего согласия. Никто не объяснял, что происходит. Стражники, ещё минуту назад готовые вздёрнуть меня на верёвке, теперь стояли с бледными лицами и отводили глаза. Они не смотрели на Верховного Инквизитора. Они смотрели в землю, на свои сапоги, на что угодно, лишь бы не встретиться с ним взглядом.

Я их понимала.

От него исходила сила. Не та, что показывают фокусники на ярмарках, — с искрами и дымом. Настоящая. Древняя. Она давила на плечи, как невидимая плита, и заставляла сердце биться медленнее, будто само время рядом с ним замедлялось.

— Садись, — сказал он.

Я не двинулась.

— Куда?

— В карету.

— Я не сяду в карету с незнакомцем.

Он приподнял бровь. Это было почти забавно — если бы не было так страшно.

— Незнакомцем? — переспросил он. — Я только что спас тебя от петли. По-моему, мы уже знакомы.

— Спасение — это когда спрашивают. А вы приказали.

— Ты предпочитаешь верёвку?

Я сжала губы. Он был прав, и от этого злилась ещё сильнее. Толпа позади гудела, как растревоженный улей. Кто-то выкрикивал проклятия. Кто-то требовал продолжения казни. Но стражники уже выстроились в кольцо вокруг кареты, отесняя самых рьяных.

— У тебя нет выбора, Амелия, — произнёс он, и моё имя в его устах прозвучало как приговор. — Но выбор всё же есть: войти в карету на своих ногах или быть в неё брошенной.

Я вошла. На своих ногах.

Внутри было темно и тесно. Чёрные бархатные сиденья, серебряные застёжки, запах кожи и чего-то терпкого, мужского. Я села в угол, как можно дальше от него. Он устроился напротив, закинул ногу на ногу. В полумраке его лицо казалось вырезанным из камня: резкие скулы, прямой нос, твёрдый подбородок. Глаза — светло-серые, почти белые — поблёскивали, как ртуть.

Карета тронулась.

Мы ехали молча. Дорога была скверная — меня бросало из стороны в сторону, и я цеплялась за сиденье, чтобы не упасть. Он сидел неподвижно, будто его прибили к месту. Ни толчков, ни тряски — он просто был, как скала в потоке.

— Долго будешь молчать? — не выдержала я.

— А ты всегда такая дерзкая, когда тебя спасают от петли? — его голос был низким, с лёгкой хрипотцой. Он не звучал зло. Скорее, устало-насмешливо.

— Спасают? — я хмыкнула. — Или забирают в рабство?

Он наклонился вперёд. Карета качнулась, но он не шелохнулся. Воздух стал плотным, горячим. Я почувствовала его запах: пепел, свечи, какая-то колючая пряность. Мне стало тесно в груди.

— Ты не рабыня, Амелия Торн, — сказал он. — Ты — оружие. И если оружие окажется тупым, его выбросят. Уясни это.

— Оружие? — я не отвела взгляд. — И кто же меня назначит? Вы?

— Возможно.

— А если я откажусь?

— Тогда вернёшься на эшафот. В этот раз — без спасения.

Я сглотнула. Он не угрожал. Он констатировал факт, как врач, сообщающий о неизлечимой болезни.

— Куда мы едем? — спросила я, чтобы сменить тему.

— В Академию Теней.

Я слышала об этом месте. Все слышали. Говорили, что это не школа, а могила для тех, у кого есть магия, но нет денег или покровителей. Говорили, что оттуда выходят либо чудовища, либо трупы. Говорили, что Верховный Инквизитор лично отбирает туда «особых» — тех, кого боится даже корона.

И вот я — «особая».

— И зачем я вам? — спросила я.

Он помолчал. В темноте его глаза блеснули.

— Мне нужна твоя сила. А тебе нужно жить. Считай, мы квиты.

— А если моя сила вас убьёт?

Он усмехнулся — впервые за всё время. Улыбка вышла кривой, недоброй.

— Тогда я хотя бы умру не от скуки.

Карета подпрыгнула на ухабе. Я ударилась плечом о стенку и поморщилась. Он не пошевелился.

— Вы всегда такой... приятный? — спросила я.

— Нет. Обычно хуже.

— Зачем же тогда пугать меня ещё до приезда?

— Я не пугаю. Я предупреждаю.

Он снова откинулся на сиденье. Серебряные пуговицы на его мундире тускло блеснули в свете фонаря за окном.

— В Академии тебя будут ненавидеть, — сказал он. — Будут бояться. Будут пытаться сломать. Это нормально. Так закаляется сталь.

— А если я не сталь?

— Тогда сгоришь.

Он произнёс это так буднично, что я на секунду забыла, как дышать. Не из-за страха. Из-за того, что он был прав. Я видела, как сгорают слабые. В приюте. В Нижнем квартале. Везде. Мир не терпит слабости. Я это знала с шести лет.

— И что я должна делать? — спросила я.

— Выживать. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — А я покажу как.

Я не нашла, что ответить.

Мы ехали долго. За окном проплывали чёрные леса, заброшенные деревни, мосты через тёмные реки. Я изредка выглядывала наружу, но пейзаж не менялся: мрачный, сырой, будто нарисованный углём.

— Почему меня не убили? — спросила я внезапно.

— Что?

— Там, на эшафоте. Почему тени спасли меня? Они никогда так не делали.

Он не ответил сразу. Я видела, как напряглись его челюсти.

— Потому что ты им нужна, — произнёс он наконец.

— Кому — им?

— Теням. Тьме. Называй как хочешь. Ты — проводник. Некромантка. Таких не рождалось сто лет. Тебя пытались

убить, и они вмешались.

— Они...

— Да. Они.

Я смотрела на свои руки. Грязные, в ссадинах, с обломанными ногтями. Эти руки держали нож. Эти руки убили человека. А теперь, оказывается, они нужны тьме.

— Это хорошо или плохо? — спросила я.

— Это опасно, — ответил он. — Для всех. Включая тебя.

Карета замедлилась. За окном показались высокие каменные стены, увитые чёрным плющом. Ворота были старые, с коваными кольцами и гербом, который я не разглядела.

— Приехали, — сказал он.

Я почувствовала, как сердце забилося быстрее. Не от страха. От предчувствия. Будто за этими стенами меня ждало что-то, чего я не могла объяснить. Что-то знакомое. Словно я уже здесь была. Словно я сюда возвращалась.

— Выходи, некромантка, — произнёс Верховный. — И

постарайся не сдохнуть в первый же день. Это испортит мне вечер.

Дверца кареты распахнулась.

Глава 3. Академия Теней

Академия Теней оказалась не похожа на обычную школу магии.

Я видела такие на гравюрах — светлые башни с золотыми шпилями, арки, увитые плющом, и улыбающихся студентов в мантиях. Здесь не было ничего подобного.

Это была крепость из чёрного камня, втиснутая между двумя горами, как клинок между рёбер. Окон мало. Башни уходят в тучи. Над воротами висела вывеска, вырезанная из кости: «Per Angusta ad Mortem» — «Через страдания к смерти».

Я вышла из кареты и сразу почувствовала: земля здесь гудит. Тонкой, едва уловимой дрожью, как будто внизу спало что-то живое. Тени вокруг вели себя странно — они не тянулись ко мне, а жались к стенам, будто боялись.

— Добро пожаловать, — произнёс кто-то рядом.

Я обернулась. На ступенях стоял мужчина в сером мундире. Сухой, как старая палка, с лицом, будто вырубленным

топором. В руке — туго скрученный хлыст.

— Я — комендант Грей, — сказал он. — С этой минуты вы — мясо. Сырое, глупое, бесполезное мясо. Моя задача — сделать из вас хотя бы съедобный фарш.

Я не поняла, к кому он обращается, пока не заметила, что за моей спиной выстроились другие. Человек пятьдесят. Все в разной одежде, с разными лицами, но с одинаковым выражением затравленных зверей.

— Торн, — произнёс Грей, глядя на меня. — Некромантка. Впервые за тридцать лет в этих стенах.

Он обошёл меня, как змея, и я почувствовала запах табака и старой кожи.

— Посмотрим, сгниёшь ты раньше или позже, — бросил он и отвернулся.

— Всем построиться! — рявкнул он. — Быстро, пока я не начал скучать!

Я встала в общий строй. Рядом оказалась высокая рыжеволосая девушка с острым, как нож, лицом. Она смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

— Это ты та самая, что зарезала лорда? — спросила она шёпотом.

— А ты та самая, что суёт нос не в своё дело?

Она хмыкнула.

— Рейна. Рейна де Мортен.

— Амелия. Без де.

— Значит, будешь в конце списка.

— Переживу.

Она снова хмыкнула, но на этот раз без насмешки.

— Переживёшь, — согласилась она. — Если не сдохнешь в первую неделю.

Грей тем временем расхаживал вдоль строя, заложив руки за спину. Хлыст он держал, как генерал держит саблю, — с угрозой, но без спешки.

— В Академии Теней три правила, — объявил он. — Пер-

вое: не спрашивать. Второе: не жаловаться. Третье: не умирать до конца семестра.

Кто-то сзади нервно кашлянул. Грей резко обернулся.

— Что, уже сдохнуть захотелось? — рявкнул он. — Имя!

— Т-тэо...

— Запомни, Тэо: здесь твои желания никого не интересуют. Будешь жить, пока разрешат. Или пока не сдохнешь от собственной тупости.

Он снова прошёлся, вглядываясь в лица.

— Теперь слушайте внимательно. Утро — физическая подготовка. День — профильные дисциплины. Вечер — самостоятельные тренировки. Ночь — ваш единственный друг, если вы до неё доживаете.

Он остановился напротив меня.

— Для некоторых будут... особые условия, — произнёс он, не сводя глаз. — Некромантка поступает в личное распоряжение Верховного Инквизитора.

По толпе прокатился шёпот. Я почувствовала десятки взглядов — любопытных, завистливых, враждебных.

— Это значит, — продолжал Грей, — что с ней будут заниматься отдельно. И если кто-то решит ей помешать... — он улыбнулся, и от этой улыбки у меня похолодело в груди, — ...я лично помогу этому идиоту встретить смерть. Медленно.

Шёпот стих. Рейна толкнула меня локтем.

— Ну вот, — прошептала она, — теперь тебя все ненавидят.

— Как будто раньше было иначе.

Она тихо засмеялась.

Нас разбили на группы. Я попала в пятую — туда, куда скидывали тех, кого не хотели видеть в общих потоках. Меня, Рейну, бледного парня по имени Кай, девушку с обожжённой щекой по имени Мира и ещё троих, чьи имена я пока не запомнила.

— Пятая группа, — протянула Мира, когда мы шли к казармам. — Это значит, нас уже списали.

— Или наоборот, — возразила я. — Меньше глаз — больше шансов.

Она посмотрела на меня с любопытством.

— Ты странная. Для некромантки.

— А ты видела других некроманток?

— Нет. Но слышала, что они все сгорают до тридцати.

— Звучит обнадеживающе.

Она не улыбнулась.

— Это не шутка. Ты не первая, кого привозят в Академию с меткой Инквизитора.

Я замерла.

— Что?

Мира придвинулась ближе. От неё пахло гарью и сухими травами.

— Три года назад была одна. Тоже некромантка. Тоже с печатью. Она продержалась два месяца.

— И что с ней стало?

— Она сожгла себя. Прямо в подземном зале. Говорят, её тени вышли из-под контроля.

Мне стало холодно. Не от ветра.

— Как её звали?

— Никто не помнит. Её вычеркнули. Как будто и не было.

Она ушла вперёд, а я стояла, глядя на чёрные стены Академии. Теперь они казались не просто мрачными. Они казались голодными.

Глава 4. Барак и ночной гость

Барак был длинным, как кишка. Два ряда коек, узкие окна под потолком, пол из тёмных досок, которые скрипели при каждом шаге. Пахло сыростью, старым деревом и чужим страхом — этот запах я знала слишком хорошо.

Рейна заняла койку напротив. Она бросила мне тощий матрас:

— Застели. А то подцепишь чесотку.

— Спасибо.

— Не благодари. Я это не из доброты. Просто не хочу, чтобы ты сдохла от блох раньше, чем я пойму, почему тебя притащил сам Верховный.

Я развернула матрас. Он был набит чем-то колючим, похожим на солому, но лучше, чем ничего.

— Думаешь, он ошибается? — спросила я.

Рейна фыркнула.

— Верховный Инквизитор не ошибается. Он просчитывает на десять ходов вперёд. Если он привёз тебя с эшафота — значит, ты ему зачем-то нужна. И это не учёба.

— А что?

— Не знаю. Но узнаю. Я всегда узнаю.

Она скинула сапоги и легла, закинув руки за голову. Я села на свою койку, подтянула колени к груди.

— Ты знаешь, кто здесь заправляет? — спросила она, глядя в потолок.

— Братья Эшфорд?

— Именно. Кэссиан — декан боевого факультета. Зверь. Люциан — магистр зелий. Змея. И Дориан...

— Что Дориан?

Она замаялась.

— Дориан — третий брат. Не преподаёт, но живёт в Академии. Говорят, он единственный, кто спорил с Верховным

и остался жив.

— Почему спорил?

— Никто не знает. Но после этого его перестали пускать на плац.

Она повернула голову. В полумраке её глаза блеснули.

— Если увидишь Дориана — не заговаривай. Если увидишь Люциана — не соглашайся на его напитки. Если увидишь Кэссиана — беги.

— А если увижу Верховного?

Рейна улыбнулась, но в этой улыбке не было тепла.

— Тогда поздно.

Она закрыла глаза. Через несколько минут её дыхание стало ровным.

Я не могла уснуть. Смотрела в потолок, слушала, как скрипит дерево, как ветер за окном шепчет что-то на незнакомом языке. Тени здесь были другие — тихие, настороженные, будто прислушивались.

Я не заметила, как задремала.

Разбудил меня скрип двери.

Я открыла глаза не сразу. Дверь в барак открылась бесшумно, но я почувствовала движение воздуха. Тёмная фигура скользнула внутрь.

Я замерла. Рука сама потянулась к ножу, которого у меня не было.

— Не спится? — раздался насмешливый голос из темноты.

Я узнала его. Верховный Инквизитор.

Он подошёл к моей койке и остановился. Его силуэт почти сливался с чернотой, только глаза горели серебром.

— Что тебе нужно? — прошептала я.

— Хотел убедиться, что ты не сбежала.

— Сбежать из крепости, где половина людей хочет меня убить, а вторая половина — использовать? — усмехнулась

я. — Да ни за что.

Он наклонился, упираясь рукой в спинку моей койки. Его лицо оказалось в паре сантиметров от моего. Я почувствовала его дыхание — тёплое, с лёгким привкусом вина.

— Умница. Продолжай цепляться за жизнь, Амелия. Скоро она тебе станет дорога.

Он отстранился и растворился в тенях.

А я ещё долго лежала с бешено колотящимся сердцем, ненавидя себя за то, что не ударила его.

Ненавидя себя за то, что где-то глубоко внутри... мне понравилось, как пахнет пепел.

Глава 5. Метка

Утром я проснулась от боли.

Она была не острой, а тянущей, будто кто-то приложил к груди раскалённую монету. Я села на койке, сдёрнула ворот рубахи и замерла.

Над сердцем, прямо на коже, горела чёрная метка.

Печать в виде горящего ока. Она была не нарисована — выжжена. Линии тёмные, с серебристым отливом, как застывшая ртуть. И она пульсировала. Не болезненно, но настойчиво, как чужое сердце под кожей.

— Вот дерьмо, — выдохнула я.

Рейна уже стояла у моей койки. Она смотрела на меня так, будто увидела покойника.

— Это то, о чём я думаю? — прошептала она.

— Зависит от того, что ты думаешь.

— Печать Инквизитора. — Она присела на край койки.
— Таких меток не было уже полсотни лет. Говорят, ими отмечены те, кого Верховный выбирает в... пару.

— Что за бред?

— Это не бред. — Рейна покачала головой. — Я читала об этом. В архивах отца. Печать ставится только тем, кто связан с Инквизитором на уровне магии. Это сильнее клятвы. Сильнее крови.

Я сжала ворот рубахи.

— И что это значит?

— Что ты теперь его. По-настоящему. — Она помолчала.
— Но есть и другая версия.

— Какая?

— Что это не печать любви, — она усмехнулась, но без веселья, — а поводок. Чтобы ты не сбежала от смерти, которая за тобой идёт.

В дверях показался Грей.

— Подъём, мясо! — рявкнул он. — Испытания через десять минут. Опоздавшие — на корм василиску!

Рейна поднялась.

— Не показывай её никому, — тихо сказала она. — Хотя... они всё равно узнают.

Она была права.

Когда я вышла на плац, на меня смотрели все. Не как вчера — с любопытством или враждебностью. С ужасом.

— Метка, — прошептал кто-то. — У неё метка Инквизитора.

— Это значит...

— Тише!

Я прошла через толпу, глядя прямо перед собой. Пусть смотрят. Пусть боятся. Я не собиралась оправдываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.